Барон, дракон und самогон

Барон, дракон und самогон - 1

Алексей Игоревич Бессонов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Однажды, барон Кирфельд, прославившейся на всю округу как любитель выпивки и заядлый самогонщик, отправился вместе со своим зятем поохотиться на дракона. Но оказывается, что дракон, прилетевший из Житомира, тоже неравнодушен к самогону…

- Алексей Бессонов
  - ○

Алексей Бессонов
Барон, дракон und самогон

…Когда-то (довольно давно, между прочим!), то есть в те времена, когда Змей Горыныч имел не только три головы, а еще и три задницы, в некоем герцогстве проживал один барон. В целом, следует заметить, он был достаточно типичен. Носил то меч, то, по случаю, и шпагу, имел жидковатые усы, только пожалуй что вот в карты не играл – считал пустой тратой времени. В молодые годы ему случилось служить старшим брагоманом, при дворе его светлости герцога Херцога, однако в положенное время с ним произошла неприятность, время от времени происходящая с некоторыми мужчинами: он женился. Женившись же, барон вскоре поспешил отринуть соблазны двора и удалился в имение.

Об имении следует сказать особо. В прежние, еще более давние времена, предок барона получил его за то, что, сопровождая пресветлого герцога Дубилиуса, напрочь отказался догоняться пивом в походно-охотничьей палатке своего повелителя, мотивируя это тем, что светлое необходимо пить только в поле, глядя на звезды. Герцог, заметив в своем верном оруженосце признаки истинного, непоколебимого просветления, тут же даровал ему не только то поле, где он собирался выпить свою кварту, а еще и некоторые земли в округе. Земель оказалось не так чтобы мало, но много не бывает, отчего несколько поколений потомков знаменитого просветленца изрядно судились с соседями, постепенно отсуживая у них кусочек за кусочком – то за гусей, кои поимели наглость отчекрыжить тестикулы любимому коту старшего конюха баронессы, то за трактор, упавший в канаву на меже и загнивший аккурат в канун Дня Всех Девственников, испортив, таким образом, урожай гречихи на полях столь почтенного семейства: дело шло медленно, да верно. К тому моменту, когда наш благонравный герой вступил во владение своим имуществом, землицы уже набралось порядком. А звалось имение – Кирфельд.

А как же, интересно, иначе?

Девица, на которой нашему герою случилось жениться, была известной Брюхильдою фон Шнаабс, и сызмальства отличалась немалым здоровьем – так, она могла мелкими глотками испить целый стакан «Русского Стандарта», нисколько при том не поперхнувшись, а уж коль дело доходило до изысканной южной марки «Гетьман», то равных ей не было вовсе. В весьма краткий срок новоиспеченная баронесса Кирфельд произвела на свет двух

дочек, одна другой краше, после чего со всем пылом занялась хозяйством. Нужно сказать, что трактором прославленной фирмы «Пуперпиллер» она мастерски владела с детства, а также умела холостить поросят, достигнув в этом тонком искусстве немалых высот. Наймиты уважали ее до слез. Всякий раз, как только близился очередной праздник, они по подписке подносили ей бутыль настоящей «Хортицы», заказываемой у гордых хозяев далеких степей, и радовались, глядя, как хозяйка со вкусом разглядывает высокую, дивной в тех краях архитектуры, золотую пробку на винте.

Барон же скучал. Да и как ему было не заскучать: дочки росли, как грибы на берегах неведомой Припяти, жена все свое время проводила то в поле, то на свинарнике, то с приказчиками и многочисленными управляющими. Охотничьи угодья особого удовольствия не приносили, так как от зайчатины с бароном случался устойчивый запор, а волка, как известно, есть не станешь. Однажды в душе барон понял, что его настигла преждевременная старость: стал седеть лобковый волос. Оглядев на всякий случай правую подмышку, барон тяжко вздохнул и дал себе слово завтра же взяться за дело. Но, как это часто бывает, дело нашло его само.

Тем же вечером, обходя окрестности обмелевшего озера, он обнаружил огород. Видно, кто-то из наймитов посмел развести свое маленькое хозяйство. Проступок был не слишком значителен, да и вообще обращать на него внимания решительно не стоило – но наш барон вдруг, глянув на заросли свеклы, с невероятной отчетливостью вспомнил юность. Рот его немедленно наполнился слюной.

Наутро он вызвал старшего из приказчиков и, не слушая никаких возражений, приказал распахать под огороды ближайшие к замку Кирфельд земли, общим числом не менее 15 соток. Семена и саженцы он заказал сам, через известную почтовую контору «Янек и сын». Так как в герцогстве, по понятным причинам, царила вечная весна, сажать их можно было тотчас же. Сажал он сам. Вознеся приличествующие случаю молитвы, барон взял лопату да мотыгу, велел принести пару ведер воды, и принялся за несколько непривычное ему дело.

Вскоре изволила прибыть его неумолимая супруга.

– Мама, – сказала она, глядя попеременно то на мужа, то на лопату в его руках, – мама говорила мне, что самая большая глупость, которую я могу сделать – это выйти-таки замуж за этого негодяя! Лучше б я стала женой пропойцы – не так бы стыдно было. Что вы делаете? Что вы делаете, барон, расскажите мне, как рассказывал мне мой папа, пока был жив, дай бог его праху? Я

была на Привозе, но даже и там, в этом царстве снобизма и копченой камбалы я не видела такого издевательства над мужским естеством! Ведь недавно только вас излечили от горячки! Вы хотите оставить меня вдовой? Так не думайте! Я не стану вдовой раньше сроку!

– Я знаю, что я делаю, – мрачно ответил барон Кирфельд, опуская в заранее отрытую ямку пару отборных картофелин сорта «северная роза».

Через пару недель барон отправился в славный город Пеймар, где и пробыл около недели. Никто не знал, что он там делает – ходили слухи, что тот удрал от немыслимо активной супруги, чтобы понежиться в объятьях восточных кудесниц, коими, как известно, славятся некоторые кварталы этого мощного промышленного центра; но действительность оказалась куда интереснее.

Урожаи в герцогстве зреют быстро – что там хвастливым уманским мастерам, способным, как говорят, вырастить свое прославленное сало за три года! Не прошло и трех месяцев, как огороды барона зазеленели и картофелем, и кукурузой, и крыжовником, а особо разрослась малина, на которую наш герой возлагал колоссальные надежды. Хватало также и свеклы – барон, в память о бурных годах служилой юности, нежно именовал ее «буряком», и тщательно оберегал от вредителей. Следовало, однако же, несколько выждать – и от того барон Кирфельд, нарядившись в парадную кирасу, то и дело расхаживал вдоль грядок, сладко вздыхая и поправляя время от времени картофельный листочек, вознамерившийся отклониться в сторону от предназначенной ему природой линии.

В один из этих славных дней в имение неожиданно прибыли тяжелые, запряженные тройкой слонопотамов каждый, траки с пеймарскими номерами. Каждое из могучих животных несло на боку несмываемое клеймо Cummins, бедра же их были заклеймены как Zanrhadfabrik – один вид этих письмен привел сбежавшуюся дворню в некоторый трепет. Пока слонопотамы отфыркивались и справляли во дворе замка естественные надобности, старшина возчиков вызвал барона и молодцевато представил ему на подпись накладную, а также, быстро прикинув что-то в уме, счет за оставленный на территории бесценный навоз. Подписав не глядя, барон велел разгружать – и грузчики, коренастые хлопцы из племени степных гномов, понесли в подвалы замка невиданные в благочинном Кирфельде вещи – котлы из нержавеющей стали, удивительные змеевики и огромный, страшный своими сверкающими боками, дистиллятор заморской фирмы «Бодунцов-Бодунищев и сын».

Прибывшие с караваном инженеры мгновенно смонтировали все оборудование, подключив его к газовой магистрали, проложенной когда-то аж из самой Шебелинки, и главный, довольно вытирая руки ветошью, сообщил заказчику:

– Славное дело затеяли, ваша милость! А то, кстати, можно и навозом топить, в котел его прямо, да! Вон у вас его теперь сколько – на год хватит, маме б моей так на старость!

Расчувствовавшись, барон велел поднести всем по чарке джин-тоника, а когда караван убыл восвояси, спустился наконец в свой свежеоборудованный подвальчик и приник щекой к блестящей меди самого большого змеевика. Он был счастлив.

Крики супруги, наделавшие немалого переполоху в окрестных селеньях, не волновали его нисколько. Подумаешь, навоз! Навоз был убран и свален на сушку в особо для того отведенные подвальные помещения, а сахару в Кирфельде всегда было навалом. Да и не везде сахар нужен – в малину, к примеру, достаточно только капнуть водички, и процесс пойдет. С картофелем, конечно, сложнее. Картофельная брага – это целое искусство, тут и буряка прибавить не грех, да и температура опять же… однако все эти премудрости барон Кирфельд постиг еще при дворе, и особых проблем у него не возникало даже с кукурузой – в конце концов, в имении была мельница, а без муки тут никак. На зернах продукта не выгонишь.

На жену барон теперь не обращал ни малейшего внимания.

Он гнал.

Первый продукт поспел, как то часто случается, поздним вечером, когда на небе зажглись ослепительно-чарующие звезды. Барон Кирфельд, нацедив через трубочку пол-банки малинового (не ошибся он в своих надеждах!), поднялся на балкон, тщательно размял «беломорину», специально для того хранившуюся в тщательно оберегаемой пачке, и сделал первый глоток. Через час он уже рвал фамильную гармонь, распевая «Распрягайте, хлопці, коней», знаменитую, рвущую душу воина песню, слышанную им когда-то в далеких чужих степях. Потом он бросил гармонь, выпрямился и резко, как положено, то есть через левое плечо, два раза подряд выполнил поворот «кругом», занося правую ногу так, что ему позавидовал бы сам Варварозза. Это его немного успокоило. Накапав себе еще графинчик, барон вздохнул и запел «Шумел камыш…».

Годы шли своим чередом, как и все остальное. Качаясь в седле верного скакуна по кличке «Пупырь», барон покуривал папиросы марки «Шахтерские» и обозревал свои владения. Огород увеличивать было незачем, ведь не собирался же он, в конце концов, гнать в торгово-промышленных масштабах. Нет, он

лишь изредка угощал соседей, вызывая тем некоторый переполох в окрестных благородных семействах, да слал по бочке в месяц своему пеймарскому приятелю-сахарозаводчику, который устроил ему когда-то выгодное дельце с котлами и дистилляторами. В то мгновение, когда в ухо его вдруг ужалила пчела, все было как обычно, то есть цвела вдоль дороги сакура, пели от избытка гормонов соловьи и наливались яблони. Откуда тут было взяться пчеле, барон просто не понял. Оттерев ухо самогоном из полуведерной седельной фляги, он сделал на всякий случай пару добрых глотков и решил во что бы то ни стало выяснить причину столь нежданного безобразия.

– Это, Пупырь, безобразие, – так и сказал он своему коню. – А ну-ка давай, разоблачим бесогонов!

Верный Пупырь, давненько уже получавший к овсу питательнейшую малиново-картофельную добавку, умел понимать желания хозяина без лишних слов. Нюх его оставлял позади лучших охотничьих псов, более того – выросши под присмотром известного хряка Партизана, славный конь умел находить трюфели, что делало его незаменимым в тихой охоте. К тому же он был порядочным любителем сладкого – стоит ли удивляться, что, едва услышав приказ хозяина, Пупырь пригнул мясистый зад и взял с места таким галопом, что Энцо Феррари, живи он в ту пору, следовало было бы немедля повеситься на тормозном шланге.

Так они скакали несколько лиг, и вдруг Пупырь плавно перешел на иноходь. Впереди светлела небольшая полянка. Выехав на нее, конь замер и нервно повел подмышками. Тут летали пчелы. Прихвативши с собой неизменную флягу, барон поправил на всякий случай старый «Смит–вессон», который он носил для солидности за пазухой, и решительно спешился.

– Стой здесь, – приказал он коню.

Тот нервно взмахнул хвостом – конечно, пчелы кого хочешь сделают нервным. А вдруг они неправильные, что тогда? Зенитная артиллерия далековато будет…

Путаясь в зарослях лопуха, барон осторожно прокрался к самому краю поляны и с некоторым изумлением разглядел своего главного кравчего, зачем-то напялившего на голову странного вида сетку – кравчий хромал на обе ноги сразу, и не узнать его было просто невозможно – бродящим меж каких-то колод. Вокруг колод вились те самые зловредные насекомые, доставившие Кирфельду столько бед.

– А, мерзавец! – вскричал он, выхватывая флягу. – Вот я тебя и поймал! Что это? Вредители? Колорадский жук? Глистов мне тут развел?

– Да вовсе же нет, – нисколько не растерялся подлый кравчий. – Это ведь все по приказу супруги вашей милости. Пасека ведь – и мед, и выгодно. И ващще. Хотите – вот?

И он, открыв одну из колод, протянул барону нечто, напоминающее собой кусочек солнца, заключенный в узкую прямоугольную рамку.

Так барон познакомился с медом.

Мед внес в его творчество известное разнообразие, порядком пригодившееся ему в тот час, когда настало время выдавать замуж старшую из дочерей. Надо заметить, что со сватовством особых проблем не было. В трех всего лигах от имения проживал когда-то старый маркграф Шизелло, известный своими научными изысканиями в области перерождения навозов: в определенных кругах он слыл за алхимика. Сына своего Ромуальда, с детства тяготевшего к области непознанного, старик отправил в столичный университет, где тот и проучился около восьми с половиною лет. Получив диплом, юный Ромуальд, однако, вовсе не поспешил под отчий кров, предпочтя ему гнилостный столичный климат и ученую карьеру на кафедре. Впрочем, старик вскорости отправился в лучший мир по причине крайней неумеренности в потреблении квашеной форели, и наследнику волей-неволей пришлось принять на себя управление немалым фамильным хозяйством.

Прижившись в округе, Ромуальд быстро снискал себе славу известного эксцентрика и даже чудака; впрочем, нужно сказать, что и уважением он пользовался отнюдь не меньшим. Уропрактик, андронавт и видный мастер дефекации, он внес свое имя в анналы хотя бы тем, что однажды излечил от беспримерно стойкого многонедельного запора легендарного князя З. – по одной лишь фотографии оного! Растроганный, князь лично осыпал Ромуальда золотом в количестве, адекватном исторгнутому, что сразу сделало молодого маркграфа достаточно завидным женихом.

На него-то и положила свой влажный карий глаз Яссина, старшая из дочерей нашего героя. Говорить о юной девице – дело пустое, так как даже лучшие из мастеров слова все равно спасуют в таком тонком вопросе! Скажем лишь, что щеки ее цвели, как персики на Бессарабском рынке, бедра могли вместить в себя пол-Кишинева, ежели взять его вдоль, а о бюсте просто умолчим, ибо до Юпитера и так далеко, да и гравитация там, по слухам, совсем не та, что в Ялте.

Ромуальд, следует заметить, сразу же проявил немалый такт, нисколько не уклоняясь от встреч с нареченной, более того – к моменту свадьбы она благополучно пребывала на пятом месяце,

что, разумеется, сделало ее еще прелестней: на подвенечное платье ушло не менее ста локтей тончайшего шелка.

Барон Кирфельд, впервые за долгие годы расчувствовавшись по-настоящему, выкатил аж пять бочек, средь которых затесалась и пара медовых, отчего пир, понятно, стоял горой. Гуляли как положено: шампанское закончилось сразу же, то есть на вторые сутки, но это никого уже не волновало. Спалили три хутора по соседству, а местный летописец, почтенный дед Базилевс, засунул себе в зад оглоблю от телеги и долго носился под взрывы фейерверка кругом замка, крича, что на скорости под 200 он таким манером возит на дачу жену. Впрочем, верили ему мало.

– И на что ему голова! – восторженно орал барон Кирфельд, прикладываясь к любимой фляге, которую ему исправно наполнял тот самый кравчий, увлеченный пчеловодством. – Гвозди бы делать из таких людей! И заметьте, – восклицал он, наклоняясь к свежеиспеченному зятю, – никакой рефлексии, вот ведь как! Ну никакой, даже намека нет! А вы мне – голова, голова!

Напротив него сидел мрачный пьяный мистик Ябба Ябан, который, меланхолично ударяя кулаком о столешницу, беспрестанно твердил:

– Три розы, да! Я принес три розы! Но как, скажите, сложить их них два квадрата?

Одесную почтенного Ябана четвертые сутки подряд жил дивной красоты столичный муж по прозванию Ольгерд Убійклоп, прославленный, по слухам, своей неистовой борьбой с кровососущими – говаривали, будто он лично заколбасил не менее трех тысяч упырей, дракулоидов висячих и просто комаров с кораморами. За это время суровый Убійклоп успел крепко приклеиться своими кожаными штанами к скамье, однако это его нисколько не смущало. Будучи восхищен творящимся вокруг действом, гордый Ольгерд задумчиво щурил в небо правый глаз и шептал, время от времени подкрепляя себя выдержанным каховским:

– Знаю я, чем эти свадьбы заканчиваются…

Впрочем, омрачить радости барона Кирфельда не могло решительно ничто.

На пятый день после свадьбы он изволил подняться из постели, велел подать эссенциале в соевом соусе, и крякнув, распахнул окно. В этот миг его внимание неожиданно привлекли крики, доносящиеся с южной дороги. Сути сих странных воплей барон разобрать не смог, однако же, вглядевшись, не без удивления рассмотрел своего зятя, во весь опор мчащегося к замку. Тогда, испугавшись негаданной беды, барон приказал

немедля подать камзол и походную утку, а также препроводить дорогого гостя в залу и снабдить его соответствующими закусками.

Некоторое время спустя он вышел к затю и застал того в крайнем волнении. Уплетая маринованные бегемотьи ляжки, тот бормотал, невзирая на набитый рот:

– Наконец-то!.. я так и знал! Я знал, что это будет, что этот день настанет! Я знал, хоть мне и не верили!

– Да что с вами, дорогой Ромуальд? – изумился барон. – Ежели печень, так у меня есть верное средство…

– Ах, – отмахнулся тот, – да при чем тут ваша печень! В окрестностях появился дракон!!!

Здесь следует сделать небольшое отступление. Ромуальд, еще в период своей учебы в университете, чрезвычайно увлекся драконьей охотой, став со временем известным на все герцогство дракономахером. Дело дошло до того, что он переколбасил практически всех драконов в радиусе трех тысяч лиг от столицы – остальные же, не будучи такими уж дураками, как их описывают некоторые мастера, удрали от греха подальше в южные степи, где и служат теперь фейерверкерами под защитой благостных законов той далекой и непонятной страны. Говорят даже, что некоторые из них негласно присматривают за чиновниками налогового ведомства, но в это все же поверить трудно, о каких бы мерах по борьбе с коррупцией не твердили гордые владыки равнин.

И вот – извольте! Не успев еще войти как следует во вкус медового месяца, Ромуальд уже успел обнаружить дракона, и где – в окрестностях Кирфельда, драконов не видевшего с самого, пожалуй, своего основания.

– Мы немедленно, – горячо продолжал Ромуальд, – немедленно же едем на охоту! Есть у вас приличный пулемет? Батюшка сказывал, что когда-то вам случилось выиграть в кости «Льюис» от старого «Бленхейма». Это так?

– Признаться по совести, так у меня есть даже АГС-17, – вздохнул Кирфельд. – Однако ж негоже рыцарям ехать на схватку с благородным зверем, имея столь подлое оружие. Нет уж! В юности я учился драться пикой. Так и поедем.

Ромуальд закусил губу. Ему было стыдно признаться тестю, имеющему репутацию прославленного воина, в том, что свой любимый спаренный КПВЗ он заложил перед свадьбой, чтобы купить подарок невесте. (Золото, полученное от излеченного им князя, он берег.) К тому же, раз тесть предлагает ехать на охоту с пиками, делать тут нечего – не мочить же штаны! Дворянская честь дорога.

Хотя, если уж честно, то пикой Ромуальд не владел совсем. Но он надеялся, что тесть при случае сумеет показать свое искусство, а там уж лавры победителей они поделят пополам, и вообще – ведь все равно тестева часть рано или поздно достанется ему по наследству.

Видя, что любимый зять вполне снаряжен для предстоящей экспедиции – на нем были латы, пожарный шлем, а вместо белья – ОЗК, барон кликнул пажей и велел немедля готовиться к охоте. Сам же, извинившись перед зятем, спустился в подвал. Наполнив не одну и даже не две фляги, он коротко задумался и, вздыхая, все же отворил запретный оружейный сейф. Некоторое время ушло на то, чтобы набить патронами непокорный диск пулемета. На самом-то деле папаша Ромуальда несколько ошибся – Кирфельд выиграл в кости вовсе не «Льюис», а старый проверенный «Дегтярь», но так было даже лучше.

Все еще вздыхая, барон облачился в свой старый ОЗК, приладил охотничий панцирь и, спрятав под плащом пулемет, вышел на двор, где его уже ждали зять и свита. Верный Пупырь, чуя недоброе, колотил хвостом и шипел на бегавших у него под ногами поросят.

– Он под водопадом! – вскричал зять, горяча своего мерина. – Не более двух лиг! Поспешим же, ваша милость! Нас ждет слава!

«О, черт, – удивленно подумал Кирфельд. – И с какой стати этой несчастной ящерице вздумалось поселиться на моей земле? Места что ли мало?»

Ободрив достойного юношу взмахом фляги, он скомандовал играть зарю и первым выехал за ворота замка. К счастью, супруга его была на дальнем свинарнике, и, таким образом, препятствовать сему походу было попросту некому.

Проскакав около лиги, они заслышали далекий еще шум водопада. Ромуальд крепко сжал начищенную до нестерпимого блеска пику, выданную ему старшим оруженосцем барона, и посмотрел на своего тестя. Тот невозмутимо покуривал «Казбек», более того – невесть почему успокоился и Пупырь, с любопытством оглядывающий окрестности. Мерин же Ромуальда, тем временем, с каждой минутой вел себя все более нервно.

Молодой дракономахер прислушался к себе и, о ужас – вдруг ощутил приближение диареи. Тесть его тем временем поднял над головой флягу, и ароматный напиток полился прямиком в его глотку. В тот миг Ромуальд осознал, что кишечник вот-вот выйдет из-под контроля. Это было ужасно. Позор никак не входил в его планы.

– Пришпорим наших коней, дорогой тесть, – проговорил он, стараясь не выдать дрожи в голосе. – Наша цель уже близка.

И, едва дав шпоры своему мерину, тут же свалился оземь. Содержимое кишечника немедленно нашло себе дорогу, но, благодаря прорезиненному костюму, не сразу дало о себе знать.

– Что с вами?! – вскричал Кирфельд, тотчас останавливая своего скакуна. – Вы ранены?

– Боюсь, что да, – простонал дракономахер, испытывая неодолимое желание ощупать задницу, – мой конь, увы, бывает столь неуклюж…

– Очень неосмотрительно с вашей стороны отправляться на охоту на ненадежной лошади, – воскликнул барон. – Пьеро, Жакоб! Что вы стоите, как два барана? Немедленно берите господина маркграфа и везите его домой!

– А вы, любезный тесть? – простонал Ромуальд, в то время как двое пажей, страдая от невозможности зажать носы, тащили его в сторону обозной телеги.

– Не в моих правилах бросать начатое дело! – флегматично ответствовал барон, вытряхивая из пачки новую папиросу. – Прощайте, дорогой зять! Надеюсь, я смогу навестить вас за ужином!

И, сказавши так, он пришпорил верного Пупыря.

Вскоре впереди показался могучий водопад. Пупырь, сторожко прядая ушами, подошел к самой воде, и тогда барон, нисколько не стесняясь бьющих в лицо ему брызг, горделиво выпрямился в седле и бросил клич:

– Выходи, подлый дракон! Выходи на честный бой, и пусть судьба рассудит… – а что нужно говорить дальше он позабыл, поэтому предпочел достать флягу.

– И шо тебе вот это надо? – неожиданно прогудел чей-то голос, идущий, как показалось славному Кирфельду, прямо из-под копыт его коня.

– Ты кто? – недоуменно вымолвил он, оглядываясь по сторонам.

– Хто, хто, – фыркнуло в ответ. – Ходют тут всякие. Шо ты орешь, как подорванный? Пришел, так говори что-нибудь.

Барон сделал два или даже три глотка, да так и застыл с флягой в руке.

– О, – раздалось из-за водопада, – а шо это у тебя? Медовый, что ли?

И раздался шум, напоминающий шипение паровоза.

– Точно. Медовый. Слышь, мужик, так это ты, что ли, пчел на Сизом Лугу разводишь?

– Я, – признался Кирфельд. – Точнее, для меня. А я гоню. А что?

– Да ты уж заходи, что ли? – предложил все тот же

таинственный гулкий голос. – Или воды боишься?

– Я? – обиделся могучий барон. – Ну вот еще…

Пупырь, противу всяких ожиданий, прошел сквозь водопад не только без страха, а еще и с удовольствием. Едва оказавшись во влажном полумраке, барон с ужасом разглядел гигантское, гладко-золотистое тело, свернувшееся клубком в глубине пещеры. Такие же золотые, правда, с зеленоватым отливом, смотрели на него огромные глаза зверя.

– Так это ты, получается? – изумился барон.

– Вот всегда всех идиотов страшно удивляет тот факт, что драконы умеют говорить, – вздохнуло чудище. – А еще и думать. Вот ведь хвеномен, а? Ну давай уж, шо там у тебя? Я ж чую, шо с медом.

Плохо соображая, что он делает, храбрый Кирфельд протянул дракону флягу, а сам снял с верного Пупыря другую, ничуть не меньше прежней. Более всего его поражало то, что конь отнюдь не ощущает страха, а напротив, с кошачьим любопытством осматривается в жутком логове и беспрестанно нюхает воздух.

– М-мм, ничего так, – констатировал дракон, отпив добрую половину фляги. – Как звать-то тебя, убивец?

– Кирфельд, – машинально ответил барон и на всякий случай поправил пулемет под плащом.

– А меня вот – Шон, – вздохнуло чудовище. – Ничего себе имечко, да?

– Всякое бывает, – вздохнул Кирфельд, разглядывая своего неожиданного собеседника.

Только сейчас он вдруг понял, что дракон на самом деле красив. Его золотистое тело не вызывало ни тени отвращения, напротив – гладко-золотое, оно восхищало плавным совершенством своих мягких, живых линий.

– Попробуй-ка моего, – предложил Шон и, изогнувшись, выпростал из-под себя почти человеческую руку – рука пошарила на полутемной полке, чтобы вскоре поднести барону изящный глиняный кувшин с притертой пробкой.

– У меня окорок есть, – сказал барон, принюхиваясь.

– О, – обрадовался дракон. – Так шо ж ты страдаешь, как потерпевший. Мне уже три дня ни одного порося не приносили – дождешься от твоих пейзан! С голоду тут сдохнешь… слушай, а это правда, что у вас на землю частной собственности нет?

– Правда, – удивился Кирфельд. – Я, в сущности, тоже герцогов арендатор. А что?

– Дурдом, – почему-то вздохнул дракон. – Ладно, какое это, в общем-то, имеет значение… как тебе продукт-то мой?

– Я не пойму, – признался барон. – Он что, на перце что ли?

– А то. Его, конечно, если по-хорошему, так под борщик надо. Но под щи тоже покатит.

Барон задумчиво погонял во рту добрый глоток непривычного ему продукта. При мысли о том, что такую замечательную вещь можно и, наверное, нужно потреблять именно под щи с кислой капустой, ему сразу захотелось есть. Он оторвал себе небольшой кусок от прихваченного из дому окорока, протянул остальное дракону и присел на краешек здоровенной каменной скамьи.

– Слушай, а как ты с брагой-то? – спросил он.

– Да как, – вздохнул Шон, – пейзане твои то пшенички, то еще чего принесут. Буряк опять же, куда без него. А котлы у меня там – он махнул хвостом, указывая в темную глубину бездонной пещеры. – Это я их с собой…

– С собой? А сам-то ты откуда?

– Откуда… – дракон отломил изрядный кус окорока и заработал челюстями. – Отовсюду. Последние сто лет в Житомире жил. Фейерверки детишкам, погоду летал разведывал. Так выгнали…

– За что? – поразился такой несправедливости барон.

– За то. Я ж продавал – ну, хорошим людям, понятно. А теперь, при новой власти говорят, – без лицензии нельзя. Раньше было как? Участковому канистру нацедил, и полное тебе уважение. А теперь тот участковый на подписке сидит, а мне говорят – хочешь, покупай лицензию, строй себе завод, все по закону. А еще говорят, мы тебя к ВВС припишем. Не хватало!

Дракон шмыргнул носом и раздраженно махнул рукой с зажатым в ней окороком.

– Слушай, – проникновенно начал барон, в благородном уме коего уже зрела удивительная идея, – а пошли ко мне, а? Хозяйство у меня приличное, ну да не в нем дело… мы вот твой с перчиком, и мой с медом… да мы такое сварим!

– А жена твоя? – покосился недоверчиво Шон. – Разное ведь говорят… я, ты пойми, тебя обидеть не хочу, но у тебя еще и зять – этот вот… махер…

– Да плевать! – возопил барон, заставив содрогнуться стены пещеры. – Мы ж с медом да с перцем! Да через активированный уголь ежели пропустить! Эх-х!

На этом наша история заканчивается. Хотя на самом деле все, конечно, только начиналось.

Правда?

15 марта 2005 г., Санкт-Петербург.